Акари, переместив своё место на стуле, смотрела на свои руки, лежащие на металлическом столе. Почти двенадцать часов прошло с тех пор, как она оказалась в эпицентре битвы, и лучи солнца, проникающие сквозь решетчатые окна комнаты, добавляли яркие краски в её иначе серую обстановку.

Прошлая ночь была полна хаоса. В комнату заходила целая армия целителей, полиции и допрашивающих, и Акари не спала ни минуты. Она пыталась закрыть глаза в своей камере, но мысли не переставали гнаться в голове.

Как она могла заснуть после всего, что произошло? Группа мастеров маны почти убила её. К тому же, она только что увидела, как Калден и Мэйлин были ранены металлической маной - достаточно сильно, чтобы вытекла кровь.

Были ли они живы и здоровы? Никто не давал ей ответа.

И тут, раздались шаги по коридору за дверью. Акари прямо села, и её наручники зацепились за стол. В отличие от обычных наручников, эти браслеты не имели цепей или шарниров, соединяющих их. И, хотя большинство наручников были из нержавеющей стали, эти были из импедии.

Каждый раз, когда Акари циклировала ману в свои руки или ноги, она ощущала, как одна из четырёх наручниц отталкивает её ману, как магнит, и отправляет её обратно в её душу. Для не мастеров это ограничение могло остаться незамеченным. Но Акари циклировала уже более ста дней подряд. Блокировка её маны теперь казалась ей неестественной, как задерживание дыхания. Это заставляло её циклировать всё сильнее и сильнее. После целой ночи этого её тело чувствовалось как отжатая тряпка.

Её пленители даже не снимали наручники, когда она спала или принимала душ. Слой обшивки защищал её кожу, так что они были не такими неприятными, как большинство ограничений. Но это только делало её более нервной.

«Как долго это продолжится?» – думала Акари, когда дверь на другой стороне комнаты открылась, и её приёмный отец вошел внутрь. Мазрен был одет в свою обычную рабочую одежду - рубашку с пуговицами, засунутую в брюки хаки. Серебряный значок висел на верёвке вокруг его шеи, отражая утреннее солнце как зеркало.

Акари прочистити горло и произнесла. – Кальден и Мэйлин, они в порядке? – У Мазрена было несколько друзей в полиции. Может, они что-то ему сказали?

Он на мгновение остановился, затем кивнул. – Целители сразу же занялись ими. Никаких серьезных травм, – ответил он.

Акари выдохнула и тихо опустилась на своё место. Она знала, что её друзья будут в порядке, но всё же нужно было услышать это от кого-то ещё. Одинокость, в которой она жила, заставляла её мысли погружаться всё глубже и глубже в бездну.

Мазрен сел на стул напротив Акари и протянул ей стаканчик Jumpstart через стол. – Держи. Я думаю, что тебе это понадобится.

– Спасибо, – сказала Акари, открывая крышку стаканчика и вдыхая аромат пара. Это был обычный тёмный кофе, но она не жаловалась. Любой напиток с кофеином был для неё настоящим подарком от ангелов.

После короткой паузы её приёмный отец заговорил снова. – Так что же, ты магистр маны.

– Они всё тебе рассказали? – предположила Акари.

Он кивнул, пробегая рукой сквозь свои светлые волосы. – Я прочёл доклад, пока ждал.

Это означало, что он уже знал о видео и о тёмных уголках интернета. Когда её поймали, Акари не могла спрятать свой флеш-накопитель, поэтому эта часть истории не могла остаться скрытой. Кроме того, изучение искусства маны, даже на бронзовом уровне, как у неё, не было преступлением.

– Я заметил, что с тобой что-то не так, – продолжил он. – Но я никогда не думал, что это настолько серьёзно. Все эти ночи, когда ты не приходила домой, и твоя охотничья поездка… Что заставило тебя рискнуть?

Акари пожала плечами, не желая открывать свою душу, даже если бы она знала, как ответить на вопрос. – Что ещё произошло прошлой ночью? Никто мне ничего не сказал, – спросила она.

Мазрен, кажется, на мгновение замер, собирая свои мысли. – Я думаю, что они говорили с каждым отдельно. Рассказ Калдена Тренгсена соответствует твоему. Он говорит, что Фростблэйд и её друзья напали на тебя, а ты защищалась. Его слуги говорили то же самое.

Акари быстро кивнула, ощущая взлет надежды в своей груди. Сначала она опасалась, что полиция поверит только истории Эмберлин и проигнорирует всё остальное. Как и в тот день, когда её забанили в компьютерном классе. Но если они поговорили с Калденом, у неё может быть реальный шанс.

– Эмберлин Фростблейд даже признала, что напала на тебя, – продолжал Мазрен.

Акари почти поперхнулась кофе. – Серьезно?

– Да. Сначала она отказывалась говорить, но её адвокат побудил её сотрудничать, – ответил Мазрен.

Он продолжил: – Эмберлин рассказала в своём допросе, что она тестировала тебя, чтобы убедиться, что ты действительно знаешь искусство маны. Потом всё вышло из-под контроля. После того как ты отступала по льду, её телохранитель - Казо Широ - ударил тебя. Эмберлин хотела вытащить тебя, но Алтон Таск возражал, утверждая, что они не будут пойманы, если просто оставят тебя.

Слова сукин сын прозвучали ядовито на языке героини, Акари. Она была ошеломлена тестированием, которое звучало как чепуха. Эмберлин явно знала, что ждать, даже если изначально недооценила Акари. Однако, всё остальное было возможно. Акари думала, что Эмберлин ударила её сзади и рассказала об этом детективу. Однако, когда тот потребовал больше деталей, она вынуждена была признать, что не должно этого было происходить.

Когда всё уладилось, Акари почувствовала, как её плечи опустились. – Они уйдут от ответственности, не так ли? – сказала она.

– Фростблейд и Таск будут оштрафованы за ущерб, – ответил Мазрен.

– Оштрафованы?! – воскликнула Акари. – Они богаче Ангелов! Какой смысл в штрафах?

– Школьный совет решит, останутся ли они в программе искусства маны. У Таска там не так хорошо, но ты права. Это несправедливо. Никогда несправедливо с такими людьми.

Акари сжала кулаки. Она попыталась запустить свою ману, но наручники отталкивали движение во всех четырёх конечностях, вызывая боль. Проклятье. Она должна была предвидеть это. Золотой мог бы теоретически попасть в тюрьму за убийство бронзы, но это произойдёт только в том случае, если он убил её хладнокровно, на живой аудитории. Всё остальное было слишком сложно для настоящей справедливости.

– А что будет со мной? – спросила наконец Акари.

– Были звучания о возбуждении обвинения, – ответил Мазрен. – Но они испытывают трудности с нахождением преступления. В каждой версии истории вы защищались. Троё против одной.

Акари подняла голову, ощущая, как её дух восстаёт снова. – Обучение искусству маны не является преступлением, верно? – спросила она.

Мазрен покачал головой. – Для, бронзы — это невозможно. Нет законов или прецедентов,

– ответил он.

Пропаганда работала в её пользу, но Мазрен не выглядел уверенным. Она чувствовала, что здесь есть подвох.

– Три семьи хотят сделать из вас пример, – объяснил Мазрен. – Тихий пример, без суда.

Акари проглотила, не зная, чувствовать ли облегчение или страх. – Защитила себя всего лишь тем, что обучалась? – подумала она.

– Если Ноэлла и я будем держать вас под домашним арестом в течение следующих трёх лет, вы сможете избежать тюремного срока и сохранить своё чистое прошлое, – продолжал Мазрен, разворачивая руки на столе.

– А… что такое домашний арест? – спросила Акари, никогда раньше не слышав точного определения этого термина.

– Вы можете ходить в школу и работать, – ответил Мазрен. – Но в остальном вы остаетесь в пределах одного блока от нашего дома. Все ваши выходы должны быть согласованы через офис Мартиалов.

«Три года… только за то, что я защитила себя?» – подумала Акари, смущенно смотря на наручники, которые были на её руках.

– Эти наручники, которые вы носите, – указал Мазрен на стол, где она держала свою кофейную чашку, – они поставляются с встроенными трекерами. Так они будут знать, если вы находитесь в пределах своего радиуса. Они также получат предупреждение, если вы их снимите или повредите.

Акари промёрзла, словно леденящий ветер проникал сквозь её кожу, а наручники на её запястьях казались тяжелыми, словно чугунные оковы. – Наручники останутся… на всё время? – спросила она, глядя на них с отчаянием. – Извини, – серьезно кивнул импедим. – Я не мог ничего с этим поделать. – А что, если я откажусь от сделки? – спросила Акари. Он колебался. – Похоже, агент Фростблэйда имеет доказательства, связывающие тебя с другим преступлением.

Хотя он не уточнил, о каком именно идёт речь, но это звучит очень серьёзно. Ты понимаешь, о чём я говорю? – Акари сжала губы, пытаясь скрыть свои мысли. – Здесь нас не могут подслушивать, – Мазрен жестом указал на дверь. – Что бы ни было, я оставлю это, между нами. – Она вспомнила встречи с Релией. Но Акари не рискнула говорить об этом вслух, ни перед Мартиалами, ни перед Мазреном. Релия Донфайр была единственной на острове, кто осмеливался бросать вызов установленному порядку. Если она предаст их, то предаст всё, ради чего боролась Акари. Когда она молча стояла, Мазрен заговорил снова: – Может, он блефовал. Но я бы не рисковал. Против золотых не победить. – Слова против золотых не победить зазвучали в душе Акари, словно дыхание холодного ветра. Она даже не ответила на предложение миссис Тренгсен, и вещи уже складывались в пользу женщины. А теперь Акари лишилась своих искусств маны и даже не получила за это никакой компенсации.

Мазрен был прав. Игра была против Акари с самого начала. Как можно победить противников, которые играют по совершенно другим правилам?

– Итак, я должен принять эту сделку, – сказал он. – Это лучшее, что тебе предложат.

– И я смогу жить у вас ещё три года? – спросила Акари. – Просто так?

Его лицо смягчилось от сочувствия. – Мы никогда не собирались выгонять тебя.

– Но ваша жена сказала другое.

Он медленно выдохнул. – Она имела в виду, что мы не можем поддерживать тебя бесконечно.

– Нет, – возразила Акари. – Она была достаточно ясна. В день моего шестнадцатилетия. Именно это она сказала.

– Я разберусь с Ноэллой.

– Зачем?

– Потому что я отвечаю за тебя. Я создал у тебя чувство, что ты не будешь в безопасности в следующем году. Вот почему ты принимаешь все эти риски, правда? Вот почему ты изучаешь искусство маны?

Акари пожала плечами. Он был наполовину прав. Без затикающей временной бомбы она, возможно, не преследовала бы искусство маны с такой же срочностью. Она могла бы подходить к этому более медленно, не вызывая гнева меньшего количества золотых в процессе.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказал он. – Я обещаю. Я никогда не позволю тебе стать бездомной. Мне жаль, что я дал тебе понять иное.

Акари нахмурила брови на него. – Я не понимаю. Почему вы отвечаете за меня? Мы по сути чужие друг для друга.

Он нахмурился. – Ты жила у нас почти три года.

– Это не значит, что мы знаем друг друга, – ответила она. Честно говоря, ей было ближе к Калдену и его друзьям, и она знала их всего лишь часть времени.

– Да, – он потёр виски. – Это моя вина тоже.

– Но почему? Её голос впервые поднялся. – Почему тебе вообще важно, что будет с каким-то сиротой бронзы? Ты же согласился меня выгнать ранее. Она ударила кандалы по столу, и металлический звон разнесся по всей комнате. – Таким образом, у Ноэллы будет ещё больше причин ненавидеть меня.

– Она не…– начал говорить Мазрен, но затем замолчал.

– Почему? – потребовала Акари, сжимая все свои вопросы в одно слово. Почему Мазрен заботится, а Ноэлла ненавидит её? Почему серебряная семья взяла бронзу к себе?

Мазрен молчал долго. Она никогда не видела взрослого мужчину, который был бы настолько неуверенным в себе. Почти… испуганным?

Акари уставилась на него, изучая его эспирианское лицо. Она сама была наполовину эспирианкой, но унаследовала большую часть черт матери-шокенезки, включая тёмные волосы и глаза. Но, в отличие от Калдена и Мэйлин, у Акари не было характерной загара на коже. Её кожа была бледной, почти такой же бледной, как у Мазрена.

Её мысли гнались быстрее, когда она рассматривала свой первоначальный уровень маны и то, как она начинала где-то в середине двадцатых. Наполовину между бронзой и серебром. Если бы её отец был золотом, то она была бы серебром. Если бы он был бронзой, то она была бы ближе к нулю.

Но нет… она была наполовину бронзой, наполовину серебром.

Её сердце билось в груди, а по рукам пробегали мурашки.

Именно Мазрен хотел её взять на воспитание. Он был вежлив с ней всё это время, пока его жена была враждебна. И сейчас он здесь, предлагая ей место для жизни на три года.

Акари проглотила, чувствуя, как её горло внезапно стало сухим. Когда она попыталась заговорить, она не могла довести себя до того, чтобы задать настоящий вопрос.

– Вы знали меня, – сказала она, – до того, как я пришла жить с вами. Вы искали кого-то конкретного.

Его голова почти незаметно кивнула. – Шестнадцать лет назад я был с женщиной по имени Эмири Целлер.

Эмири Целлер.

Имя её матери.

Акари закрыла глаза, чувствуя, как комната кружится вокруг неё. Она готовилась к этому в своем разуме, но это мало помогло смягчить удар.

Акари мечтала о своем отце с самого детства. В её воображении он был могущественным мастером маны из другого мира, похожим на Релию. Девушка видела себя наследницей древнего клана с уникальными техниками использования крови.

Однако, она никогда не рассказывала о своих мечтах вслух и старалась даже не думать об этом. Но этот маленький свет надежды давал ей силы и мужество двигаться вперёд. Акари верила, что правила острова не относятся к ней и что она станет первой из тысячи бронзовых,

кто доберется до серебра.

Но реальность не была как в фильмах про искусство маны. Если бы это был фильм, она бы обнаружила свои техники использования крови и спасла себя от утопления прошлой ночью.

Но она была обычной, так же, как и её родители. Взглянув на Мазрена, Акари заметила, что её глаза наполнились слезами. Она сняла очки и вытерла их задней стороной руки.

– Прости, – сказал Мазрен с тяжелым вздохом. – Я должен был рассказать тебе об этом раньше.

– Нет, – ответила Акари. – Я понимаю, почему вы держали это в тайне. Ты был хорошим приёмным отцом, но как настоящий отец ты был довольно отвратительным.

Он нахмурился, услышав её слова, и Акари подавила желание рассказать ему всё. Знал ли он, что её школьная форма была единственной настоящей одеждой, которая у неё была? Знал ли он, что Ноэлла била её, когда они были наедине, и что она использовала своё исцеляющее искусство, чтобы скрыть порезы и синяки?

Но нет, говорить об этом заставило бы её чувствовать себя жертвой. В последнее время у неё было достаточно проблем. К тому же, Мазрен, возможно, не поверил бы ей. Без шрамов, которые бы это доказывали, Акари даже иногда сомневалась в себе.

– Вот поэтому я скрывала правду, – объяснила она медленно. – Я могла потерять работу, если бы призналась в этом публично. Ноэлла знает об этом, но только она. Никто другой не знает. Ни социальные работники… ни Элина… ни даже мои родители.

– Поверьте мне, – Акари снова потёрла глаз. – Я понимаю. Бронзовые не должны вести себя как настоящие люди, и они точно не должны спать с серебряными или золотыми.

Эмберлин пыталась убить её за то, что она слишком сильно приблизилась к Калдену. И они же были всего лишь друзьями.

Мазрен смотрел на свои руки. – Слишком поздно, чтобы всё исправить, но я делаю всё возможное.

Акари смотрела на стену, не в состоянии произнести ни слова. Она всё ещё не могла связать этого человека с могущественным мастером маны из её снов. И несмотря на все доказательства, часть её не верила, что это правда.

– Как вы познакомились с моей мамой? – спросила она после долгого молчания.

– Это сложно.

– Враньё, – ответила Акари. – Если это было случайное знакомство, вы можете мне рассказать. Моё сердце не разобьется от этого.

Но Мазрен не хотел рассказывать, и мысли Акари стали направляться в более тёмное место.

Мазрен, должно был, увидеть беспокойство в её глазах, потому что он поднял защитно руки.

– Нет, это не так! Извини, но мы были друг для друга важны. У меня даже есть воспоминания о том, как я встретил её в закусочной, где она работала. Но я не доверяю им.

Акари нахмурилась. – Ты не доверяешь своим собственным воспоминаниям?

– Как я уже сказал, это сложно. Эти воспоминания появились только четыре года назад после того, как я узнал о другой дочери. Это было, как будто мой разум заполнял пробелы, пытаясь сделать что-то непонятное осмысленным.

Акари моргнула, пытаясь осознать всю глубину того, что сказал Мазрен. Его слова звучали нереально, но она понимала, что он искренен. Ее собственные воспоминания были яркими, но только за последние несколько лет. Всё, что было до этого, казалось мутным и искусственным. Акари не задумывалась об этом раньше, но сейчас она понимала, что их воспоминания не казались достоверными.

– А что ты помнишь? – спросила она Мазрена.

– Ничего конкретного, – ответил он. – Но слишком много чувств, чтобы уместиться в одну ночь. Я любил её. Я знаю это.

– А что насчёт Ноэллы? – спросила Акари. – Вы женаты восемнадцать лет. Мне пятнадцать. Не нужно быть математическим гением, чтобы понять, что вы изменяли ей.

– Я не изменял ей, – с уверенностью ответил Мазрен. – Но, может быть, я и изменял. Я не знаю. Прошлое слишком расплывчато. Иногда… жизнь кажется ложью, а истина — это то, что я не могу увидеть.

Акари медленно кивнула, не выпуская свою кофейную чашку из рук. – Тогда вы знаете, почему я стала мастером маны, – произнесла она с глубокой убеждённостью.

Мазрен оставался рядом с ней, пока они не покинули полицейский участок. Акари чувствовала, что тяжелые наручники всё ещё лежат на её руках, при каждом шаге напоминая ей о стенах, которые она не видит, но которые всё равно окружают её на этом острове.

Она надеялась, что мастерство маны поможет ей выиграть эту битву, но всё, что она узнала за последнее время, убедило её в обратном. Никто никогда не примет её как бронзу, как бы усердно она ни старалась.

Первым делом они будут пытаться сломить её, как это сделала мать Калдена. А если она не сломится, то попытаются убить её ещё раз.

Но зачем бороться, если правила игры против неё? Она должна искать выход, думать о том, что находится за пределами этого острова и найти что-то большее.

Релия Донфайр дала ей такой шанс. Теперь Акари должна найти её и воспользоваться этим шансом.

http://tl.rulate.ru/book/82695/2888708